

ALEKSANDR SZAJKIN
Instytut Pedagogiczny
w Ałma-Atie

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

"Повесть временных лет" является достойным итогом первого столетия существования русской литературы. Она вобрала в себя историю славян и русского государства, его дипломатию, словесность, устную и письменную, по существу – все знания русского человека XI – начала XII веков о мире и о себе. "Повесть временных лет" – это энциклопедия Руси с едва различимого ее начала до XII века и в то же время, как пишет Д.С.Лихачев, это "произведение родное для всякого русского человека... К ее спокойному изложению мы не раз возвращаемся и всегда находим в нем новое, не замеченные нами прежде глубины содержания"¹. Это действительно так. "Повесть временных лет" открывается не сразу и по-настоящему – лишь читателю вдумчивому и неторопливому.

К анализу "Повести временных лет" можно подходить с разных сторон. Начнем с самого внешнего и очевидного ее определения – это летопись. Самая ранняя из реально дошедших русских летописей. Термин "летопись" указывает на особенность формы повествования: писание по летам, то есть по годам. Действительно, в большей части "Повести временных лет" изложение хода русской истории ведет-

ся в форме "годовых статей". Пишется: "В лето 6376. Поча царствовати Василии"². Затем ставится следующая дата: "В лето 6377. Крещена бысть вся земля Болгарская". Даже если у летописца не было сведений о событиях какого-либо года и писать было не о чем, дата все равно проставлялась: "В лето 6376". Это так называемые "пустые года". Например, за 6377 годом идет девять пустых лет. /Цифры летоисчисления даны в "Повести временных лет" по древнему календарю "от сотворения мира"; для того, чтобы перевести их на современное летоисчисление "от рождества Христова" надо от летописной даты отнять 5508 лет - столько лет прошло от "сотворения мира" до "рождества Христова"/.

"Годовая статья", быть может, не самая удобная форма для описания событий, в особенности длительных, но зато "погодная сетка" надежно располагала события во времени. Современные исследования, порой, вскрывают неточность летописной хронологии, но, с точки зрения самих летописцев, она была надежным инструментом для упорядочивания минувшего. Поэтому "погодный принцип" безусловно значительное завоевание русских средневековых историков.

"Повесть временных лет" охватывает примерно первое шесть веков славянской и русской истории. Построено произведение по определенному плану, который отчетливо сформулирован в полном его заглавии: "Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть". Отвечая на эти три вопроса, летописцы разворачивают масштабную историческую панораму.

Но прежде чем приступить к собственно русской истории, летописцам надо было отыскать истоки славянства в истории мировой, как-то включить собственную историю в ход истории всемирной. В представлениях о всемирной истории летописцы опирались на гречес-

кие /византийские/ хроники, которые, как и другие средневековые исторические сочинения, в конечном счете, в изложении начал и истоков человеческой истории восходили к Библии. С библейской истории начинают и наши летописцы. Но в их обращении к библейскому материалу виден самостоятельный подход. Они начинают повествование не с сотворения мира, не от Адама, как этого можно было бы ожидать, в Библии они находят такую точку, с которой могут начать собственную историю. Они начинают с потопа, точнее, с послепотопного времени, когда сыновья Ноя поделили между собой землю. По жребию Симу выпал Восток, Хаму - Юг, а Иафету - Запад. Каждый из сыновей Ноя считался прародителем тех народов, которые расплодились впоследствии на выпавшей ему территории. Летописцы справедливо рассудили, что славяне должны быть потомками Иафета. Так была найдена исходная точка в необозримых просторах мировой истории. Допотопные же времена оставлены за пределами рассказа - там летописцы не нашли ничего, откуда можно было бы начинать историю славян. Здесь виден трезвый прагматизм в подходе к материалу Священного писания.

Дав еще один сюжет из Библии о "вавилонском столпотворении", - опять же с чисто прагматическими целями: объяснить происхождение славянского языка - летописцы переходят к собственно исторической части описания судеб славянства. При этом события библейской дали отграничиваются неопределенно длительным промежутком времени от того, что смогла удержать историческая память: "По мнозех же времях сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска". Но где были, где скитались славяне после того, как Бог, разгневавшись на дерзкий замысел строительства вавилонского столпа, рассеял народы по всей земле, - об этом летописцы честно ничего не пишут, не пытаются фантазировать.

Далее излагается история переселения славян с Дуная и освоения ими территорий, где они живут и ныне. Племена селились в разных местах, получали разные названия, связанные в изложении летописцев с названиями каких-либо географических мест: "Так, например, одни, придя, сели на реке Морава и прозвались моравы... Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие - деревлянами, потому что сели в лесах". И было у каждого племени свое княжение, и жили они особо и розно, "имели свои обычаи и законы своих отцов и предания, и каждый свой нрав".

Вскоре славянские племена стали легкой добычей разных находников, более могущественных и сплоченных. Под 859 годом сообщается, что "варяги из заморья взымали дань с чуди и со славян, и с мери, и со всех кривичей, а хозары брали дань с полян, и с северян, и с вятичей, - брали по серебрянной монете и по белке от дыма".

Это как бы итог, которым заканчивается догосударственный, "племенной" период жизни славян, как он изложен в "Повести временных лет". Внешние враги вытеснили их с Дуная, они перебрались на новые земли, подчинили себе туземные племена, но вследствие того, что жили они розно, и каждое племя /"род"/ имело свое княжение, сами вскоре утратили самостоятельность и стали данниками варяг и хазар.

Следующий период как этап связан с образованием у славян государства /мы не входим здесь в подробности действительного исторического процесса образования древнерусского государства, каким он представляется современной исторической науке, - мы следим именно за летописной версией хода русской истории/. Под 862 годом в "Повести временных лет" рассказывается о восстании против варягов: "Изгнали варяг на море и не дали им дани, и начали сами со-

бою владеть". Но вслед за тем вспыхнули внутренние раздоры: "Встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой". Видимо, здесь отразилась не какая-то одноактная вспышка внутренних раздоров, а схвачена общая ситуация "племенной" /в сущности, речь должна идти не о племенах, а союзах племен или даже каких-то раннегосударственных образованиях/ разобщенности.

Летописцы были средневековыми историками, с их точки зрения, преодолеть эту кризисную разобщенность, эту "неправду" могла только сильная княжеская власть. Надо было найти такого князя, который мог бы подчинить себе эти отдельные племена и прекратить внутренние раздоры. И такой князь был найден, у тех же варягов, которых только что прогнали за море. Описано это в летописи с великолепной наивностью: "И сказали они /северные "земли", славянские и неславянские - А.Ш./ себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". Пришли они к варягам и сказали: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И пришли три брата во главе с Рюриком, который якобы и стал основателем династии русских князей. Сам Рюрик, впрочем, так и остался только новгородским правителем местного значения. Но его преемник, Олег, по летописи, двинул дело консолидации славянских племен значительно дальше. Через три года после смерти Рюрика он начинает энергичную экспансию по течению Днепра, захватывает Смоленск и Любеч, хитростью овладевает Киевом и объявляет этот город "матерью городам русским", то есть столицей создаваемого им государства, которое впоследствии получит название Киевской Руси. По летописи, Олег покоряет, подчиняет своей власти основные славянские земли, освобождает их от уплаты дани хазарам, а через двадцать с лишним лет мы видим Олега во главе огромной армии, состоящей из воинов 13 земель, которая движется

на Византийскую империю. Видимо, рождение государства состоялось. Русь, наконец, получила князя, оказавшегося способным сплотить племена, объединить их в нечто целостное /повторяем, что здесь излагается только версия "Повести временных лет"; в действительности образование русского государства, конечно, имело иной характер/. По "Повести временных лет", именно с князя Олега можно начинать историю Киевской Руси. Государство это уверенно набирало силы, расширяло свои географические границы, постепенно, хотя и не без сопротивления отдельных земель, крепло изнутри. Особое внимание внутреннему укреплению государства придавали, судя по летописи, княгиня Ольга и ее внук Владимир. Это единое и сильное государство - второй этап русской истории по "Повести временных лет" - просуществовало до времени Ярослава Мудрого.

По смерти Ярослава, с середины XI века, начинается феодальное дробление Руси. Крепнут и стремятся к автономии отдельные княжества; многочисленные потомки сильно расплодившейся династии Рюрика ведут яростные войны друг с другом. К этой кризисной внутренней ситуации, усугубляя ее, примешивается опаснейший внешний фактор: половецкая угроза. Тем более, что отдельные князья, начиная с Олега Святославича, активно используют половецкую помощь для решения внутривосточных целей. Но половцы не упускают из виду и своих интересов: пока князья дерутся друг с другом, можно безнаказанно грабить русские земли. К концу XI века они хозяйничали уже под стенами Киева. Так повернулось колесо истории, и, кажется, что в этом третьем периоде вернулся хаос и "неправда" первого, племенного, когда из-за внутренней розни славяне утратили самостоятельность и стали данниками других народов.

Вывести из этого состояния опять же могла только сильная власть киевского князя. И это произошло. По изложению "Повести

временных лет", уже с конца XI века на Руси по существу установилось двоевластие: киевским великим князем был Святополк, но около него постоянно присутствует фигура другого князя, постоянно набирающего все большую силу, - Владимира Всеволодовича, прозванного Мономахом. И когда в 1132 году после смерти Святополка вся полнота власти перешла к Мономаху, как бы вернулись времена первых и славных князей русских, "иже стяжали землю русьскую". Мономах покончил с внутренними раздорами, всюду посадил своих сыновей, надолго отбил у половцев охоту грабить Русь, нанося им упреждающие удары в глубине их кочевий. Часть половецких родов, чтобы не сталкиваться с Мономахом, откочевала на Северный Кавказ.

Такова концепция русской истории как она объективно присутствует в "Повести временных лет". Мы различили здесь четыре этапа или периода и теперь решаемся утверждать, что в "Повести временных лет" мы имеем не просто хронологическое описание того, откуда взялась и как сложилась русская земля, а именно концептуальное, идеологически заряженное изложение исторического процесса. Выделенные нами периоды имеют внутреннюю симметрию: третий, характеризующийся феодальной раздробленностью и половецкой опасностью, симметричен первому, догосударственному или "племенному", когда славяне из-за внутренней розни утратили независимость; четвертый, последний в "Повести временных лет", проходящий под эгидой Мономаха, симметричен второму, в который возникла и существовала сильная Киевская Русь. Видимо, не случайно "первые", "старые" и "лучшие" князья постоянно упоминаются в связи с Мономахом, да и он сам любит о них вспоминать. Мономах как бы возвращает время и славу этих князей, постоянно проявляя заботу не только о своем княжестве, но и о всей земле русской. Так изложенная в "Повести временных лет" русская история позволяет, кажется,

говорить об идеологической концептуальности понимания летописцами исторического процесса: читателю наглядно, на конкретных примерах продемонстрирована губительность розни, внутренних раздоров и благость единения, сильной власти киевского князя. Идея эта настойчиво и последовательно проведена через всю "Повесть временных лет".

В литературном плане это позволяет говорить о целостном замысле и целостности всей идейно-художественной постройки, какой является "Повесть временных лет". Целостность эта в общем-то ощущалась почти всеми вдумчивыми читателями и исследователями летописи, хотя основания ее не были прояснены.

Представления о "Повести временных лет" как о цельном, идейно и художественно едином произведении, вступает, казалось бы, в противоречие с обстоятельствами сложения, формирования этого произведения. Считается, что в основном тот вид "Повести временных лет", в каком она дошла до нашего времени, придал в начале XII века монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Затем его текст был отредактирован Сильвестром, выполнявшим заказ княжеского дома Мономаха. Правка Сильвестра должна была коснуться заключительных страниц летописи, тех, где появляется сам Владимир; редактировались, видимо, и те статьи, в которых фигурирует его отец Всеволод. По гипотезе М.Х.Алешковского, работе Сильвестра предшествовала редакция Василия, которому бесспорно принадлежит один из самых впечатляющих летописных эпизодов, — так называемая Повесть об ослеплении Василька Тербовльского³.

Но все это — только заключительные этапы работы над текстом "Повести временных лет". Дело в том, что уже труд Нестора начался, так сказать, не с нуля, не на пустом месте. Какие-то летописные своды создавались на протяжении всего XI века, а, может быть,

даже и конца X. Вопросы, связанные с начальными этапами русского летописания, очень сложны, являются предметом непрекращающихся дискуссий и вряд ли в обозримом будущем будут решены однозначно. Нам же сейчас важно уяснить то, что "Повесть временных лет" в том виде, в каком мы ее знаем, есть результат творчества нескольких авторов, трудившихся в разное время и имевших разную политическую ориентацию. При этих условиях, казалось бы, в самом деле очень трудно говорить о цельности этого текста. Казалось бы, наслоения, привносимые разными авторами, должны были обречь это произведение на лоскутность, на кричащие противоречия отдельных частей, фрагментов, на механическое совмещение разнородного материала. Противоречия в "Повести временных лет" действительно есть, и их немало, и они действительно удовлетворительно могут быть объяснены только с позиций разноавторности и неодновременности работы над текстом. Все это так. Но масштаб этих противоречий, несогласованностей, с нашей точки зрения, становится мелким, почти несущественным, если не отойдем чуть подалее и посмотрим на всю эту летопись как на целое. Швы и зазоры усматриваются в исследовательский микроскоп, но через этот микроскоп нельзя обозреть всю постройку.

Однако цельность исторической концепции, отмеченная выше, обеспечивает, так сказать, только общее идейно-композиционное единство "Повести временных лет". Сохраняется ли это качество на иных уровнях, скажем, в пределах "биографии" князя? Существует пока еще никем не оспоренная теория фрагментарности летописного повествования, принадлежащая И.П.Еремину. По наблюдениям исследователя, летописец не заботился о цельности всего рассказа или какого-либо протяженного отрезка текста. Он мыслит в пределах "годовой статьи", отдельного фрагмента, нисколько не забо-

тятся об их увязке и сопряжении. Поэтому, как представляется И.П.Еремину, князья в летописи ведут себя "странно", их поведение "загадочно", оценки их деятельности летописцем могут по несколько раз меняться вплоть до противоположного знака. Человек в летописи противоречив, и это, так сказать, дурная противоречивость, идущая не от внутренней логики образа, а от фрагментарности его изображения. Все эти особенности, по мысли И.П.Еремина, "носят характер внутренне закономерной системы и, следовательно, могут и должны рассматриваться как исконное свойство "Повести временных лет"... как прямое отражение... не только исторического, но и художественного мышления, - его /летописца - А.Ш./ стиля". По логике исследования И.П.Еремина, любой отрезок текста летописи, как и весь он в целом, должен быть ничем иным, как механической суммой годовых статей или более дробных фрагментов⁴. Посмотрим, так ли это? Возьмем, например, хорошо известный /благодаря стихотворению А.С.Пушкина/ эпизод смерти "вещего" Олега. Он не поверил волхву, и, когда, казалось бы, предсказание уже никак не может сбыться - "конь умер, а я жив" - оно сбывается. Змея, "выникнувшая" из черепа коня, "уклюну" князя в ногу, отчего он разболелся и умер.

В этом эпизоде, взятом изолированно, есть тема рока, судьбы, торжествующей над близорукой очевидностью, то есть эпизод этот несет идею, выраженную художественно. Материал в нем сюжетно организован, а это предполагает высокую степень целостности. Но это, действительно, лишь эпизод, фрагмент, и, взятый изолированно, не может поколебать теорию фрагментарности. Правда, есть в этом завершающем биографию князя эпизоде кое-какие детали, которые не полностью могут быть объяснены изнутри него. Узнав, что конь умер, Олег презрительно "смеется". О смехе упоминается еще

раз: со смехом князь вступает на череп своего коня. Смех в системе средневекового повествования — не просто художественная подробность или случайно подмеченная рассказчиком деталь. Это резко характеристическая черта: смех признак гордыни, гордыни необоснованной и требующей наказания. Действительно, Олег не просто смотрит на кости коня, он со смехом попирает ногою череп, он попирает свою судьбу, которая, кажется, уже не властна над ним. Прежде он высмеял само предсказание: "все то ложь есть, что волхвы говорят". Это действительно гордыня. Для того, чтобы понять, откуда в Олеге могла развиться такая гордыня, надо при-смотреться ко всей его биографии.

Начинает свою деятельность Олег как фигура местного, областного масштаба. По "Повести временных лет", он получает нечто вроде регенства при сыне Рюрика и некоторое время продолжает оставаться новгородским правителем. Но затем, как мы уже упоминали, он стремительно начинает продвигаться по течению Днепра, захватывая и подчиняя своей власти города и племена. Он утверждает в Киеве и объявляет его столицей — "матерью городов русских". Следовательно, он уже мыслит себя в масштабах всей русской земли. Ему покоряются основные славянские племена, покоряются, быть может, потому, что он освобождает их от уплаты дани хазарам. Тем самым государство Олега должно было неминуемо вступить в столкновение с Хазарским каганатом, достаточно мощным в IX веке государством.

Таким образом, из местного князька, находника, Олег становится главой огромного государства, способного вести самостоятельную и независимую политику на мировой арене. Читатель является свидетелем неудержимого взлета его карьеры. Наконец, Олег во главе огромной армии из 13 "племен" движется на Византийскую импе-

рию, и греки не способны противостоять ему. Он получает с греков огромную дань и заключает с империей договор как глава равновесного государства. Его щит красуется на вратах Константинополя, "показуа победу". Греки, по летописи, готовы видеть в нем "святого Дмитрия", посланного на них Богом за грехи; язычники считают его "вещим", способным провидеть то, что недоступно обычному человеческому взгляду: он отказался от пищи, предложенной греками на пиру, "проведав", что она отравлена.

Все и вся покорилось Олегу. Кажется, уже нет силы на земле, способной противостоять ему. Это и есть та основа, на которой разрастается гордыня Олега, и в летописи объективно читателю показан этот путь. Эпизод смерти проясняет, высветляет идею, заложенную во всей его биографии. Теперь уже не только люди, племена, государства покорились Олегу - кажется сама судьба отступилась от него: конь умер, а я жив. Ему надо окончательно удостовериться в своей победе над судьбой, хочется поглумиться над останками существа, от которого он должен был принять смерть: "и ссede с коня, и посмеяся рече: "От сего ли лба смьрть было взяти мне?". И въступи ногою на лоб; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболеся и умре".

Гордыня наказана, рок торжествует над очевидностью.

Но теперь видно, что такая смерть является необходимым следствием такой жизни; биография Олега существует в летописи не отдельно от его смерти, такая смерть вовсе не случайна. Она как бы обратным светом пронизывает все предшествующее изображение жизни Олега, и вся его биография становится идеологически осмысленной и художественно замкнутой; становится не суммой погодных записей, а скжетно и, стало быть, идейно организованным повествованием.

Если мы подобным образом проанализируем биографии Игоря и Святослава, то обнаружим, что они также сюжетно организованы и имеют существенные черты общности с биографией Олега. Игоря убивают древляне, Святослава — печенеги, но смерти эти имеют и общий смысл. Как и Олег, они погибают потому, что переоценили свои возможности, преступили через определенные этические нормы, то есть, в конечном счете, впали в грех гордыни. Игорь решил, что он безо всякой меры может грабить подвластных ему древлян, и древляне убивают его не за то, что он собирает с них дань, а именно за непомерность ее. Святослав возомнил, что ему можно уже ничего не опасаться, пренебрег советом мудрого воеводы Свенельда и — попал в печенежскую засаду. В то же время его смерть осмысливается и как наказание за то, что он ослушался свою мать, отказался принять христианскую веру, в которую пыталась обратить его Ольга, а кроме того, пренебрег интересами Киева, увлекаясь дальними завоевательными походами. Все эти князья именно гибнут, и их гибель явно осмысливается как наказание за то, что "преступили", "превысили", поддались гордыне. При этом оказывается вовсе не случайным то, что все они — язычники. Их биографии — это биографии рока, судьбы, биографии наказания.

Иное строение, иной смысл имеют биографии христиан Ольги и Владимира. Большую часть жизни они проводят во "тьме язычества" совершая немало грехов, но, в конце концов, они спасаются, приобщаясь к свету христианства. Показательно и то, что они не гибнут, как князья-язычники, а доживают до глубокой старости и умирают, что называется, своей смертью. Их биографии явно противопоставлены биографиям князей-язычников и являют собою биографии спасения.

Таким образом, в "Повести временных лет" дано не просто хро-

нологически последовательное описание "биографий" правителей Киевской Руси - эти биографии вступают в композиционные связи; идейные смыслы, извлекаемые из судеб героев, взаимопроецируются, и из их композиционного сопоставления рождается учительный смысл: пребывающие во тьме язычества - гибнут, приобретающие к христианству - спасаются⁵. Подобные же композиционные связи можно обнаружить и в расположении биографий других князей. Например, прочно увязаны в один узел биографии Святополка, Бориса и Глеба, являющие в изображении летописца последние ступени зла и добра. Но они как бы не могут существовать друг без друга: добро может проявиться лишь в контакте со злом⁶ и т.п.

Поэтому, хотя первичной и внешней формой в летописи является "годовая статья", которая, в свою очередь, может распадаться на еще более дробные фрагменты, это не препятствует достижению идейно-художественной целостности произведения на разных его уровнях: она обнаруживается в рамках отдельного фрагмента или эпизода; как сюжетная организация она ощутима на более пространных участках текста, прежде всего в "биографиях" основных героев "Повести" - киевских князей; как композиционная связь эта художественная целостность обнаруживается в сопряжении "биографий", в их со- и противопоставлениях; наконец, общую художественную, идейную и композиционную завершенность всей "Повести временных лет" дает рассмотренная выше концепция русской истории.

Как же оказалось возможным создание столь стройного и целостного произведения, если над ним трудились разные авторы в разное время?

Но не преувеличиваем ли мы этой разности русских летописцев? Эта разность, безусловно, была ощутима в "ближнем" времени: Нестор и Сильвестр могли отличаться ориентацией на разные княжеские

дома, один летописец стремился усмотреть начало русской государственности в династии Кия, другой вписал легенду о Рюрике и, может быть, несколько преувеличил роль Олега и т.д. Все это имело существенное значение для современников, может быть, продолжает сохранять значение для историка, разбирающегося в перипетиях местной политики князей. Но для литературоведа отличия эти не представляются столь существенными. Все летописцы видели гарантию процветания своего государства в сильной власти киевского князя, в братолюбии и согласии князей. Ими владела идея "договора", "ряда" между князьями, поэтому они столь охотно и возвышенно описывают редкие княжеские съезды, любые соглашения и дружеские контакты между князьями. Поэтому даже сыновья Ноя ведут себя в "Повести", как русские князья: по жребию они делят землю и дают обет "не преступати никому же в жребий братень". В этой главной политической идее были едины все летописцы, имеющие отношение к начальному этапу летописания.

Известна "традиционность" русской средневековой литературы, оглядка "новых" авторов на "старые" образцы. В "Задонщине", сложенной в конце XIV или начале XV века, продолжает мощно звучать "Слово о полку Игореве", созданное в конце XII века. Тем более велика была сила традиции в официальном летописном жанре.

Наконец, все летописцы были людьми одной культуры, одной религии, одних этических и эстетических представлений. Поэтому то, что их объединяет, намного существеннее того, что отличает их. Типологически, так сказать, они едины, особенно, если смотреть на них из XX века — с этой дистанции они оказываются писателями очень близкими друг другу.

Говоря о древнерусской литературе, Д.С.Лихачев любит приводить аналогию со строительством храма, над сооружением которого

могли трудиться разные зодчие и мастера, храм мог перестраиваться, обрести приделы и тем не менее это не лишало его эстетической цельности и гармонии. Нечто подобное можно сказать и о "Повести временных лет".

Справедливо говорят, что "Повесть временных лет" - это прежде всего исторический труд. Кроме того, это труд и географический, этнографический, юридический, дипломатический, философский, с естественной для средневековья религиозной окраской, и т.д. Но у литературоведа к этому произведению должен быть свой подход, хотя он должен учитывать и все иные аспекты. Что же отличает "Повесть временных лет" от просто исторического труда? Для целей исторических достаточно было бы дать только информацию о событиях, и таких чисто информационных сообщений в летописи, действительно, много.

"В год 913. По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

В год 914. Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся домой." и т.д.

Здесь нет ничего, кроме информации о том, что и когда происходило. Но вот под 941 годом описывается поход того же Игоря на греков. Разворачивается картина морского сражения: "Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись". Чем же этот эпизод отличается от предшествующих? Видимо, тем, что здесь мы уже не только узнаем о том, что случилось, но и начина-

ем видеть как происходили события; о них не только упомянуто — они начинают изображаться.* Вот эта разница между информацией и изображением, эта избыточная, с точки зрения историка, информация и относит "Повесть" к явлениям художественным. Для информации было бы достаточно упомянуть, что греки пожгли ладьи русских и победили — что было вечером и что ночью, изображение огня, вылетающего из труб, ужас, объявший русских воинов, прыгающих с горящих лодок в морскую пучину — для целей исторического повествования не имеют, но без них информация мертва, холодна. Однако то, что безразлично для рассказа исторического, безразлично для слова художественного: подробности эти как бы приоткрывают окошко в свое время, и тысячелетняя толща исчезает, мы и сегодня способны воочию видеть как это было тысячу лет назад. Художественное слово — лучшая машина времени.

Но картинность, изобразительность, представимость — только, так сказать, первый уровень художественности, который очевиден и лежит на поверхности. Примеров тому, когда летопись от информации переходит к изображению, очень много.

Анализируя биографию Олега, мы обнаружили, что материал, составляющий его жизнеописание в летописи, организован особым образом: он дает "на выходе" понятийную мысль, идею. Слов о том, что "гордыня наказуема" в летописном тексте нет, но тем не менее читатель с отчетливостью извлекает их из текста, они присутству-

* Не имеет принципиального значения то обстоятельство, что описание этого боя во многом заимствовано из греческого Жития Василия Нового. Важно, что летописец уловил и сохранил эти черты картинности. Тем более, что, кроме греческого источника, летописец опирался и на русские народные предания.

ют в нем как бы неявным образом. Эта мысль, идея извлекается из всей совокупности сведений об Олеге: из характеристических подробностей, вроде "смеха" Олега, из жестов - нога князя, попирающая конский череп, и других. Такая организация повествовательного материала, когда читателю самим материалом, его освещением подсказывается какая-либо мысль, идея, является сюжетной. Сюжет всегда идеен, понятийен. Сюжетная же организация повествования, безусловно, переводит его в разряд художественного, причем уже более высокого уровня, чем просто картинное изображение событий. Большинство княжеских биографий в "Повести временных лет" организованы сюжетно.

Отмечали мы и художественную организацию еще более высокого уровня - организацию композиционную. Княжеские биографии следуют друг за другом не только и не просто в хронологической последовательности - они вступают друг с другом в определенные смысловые, идеологические взаимоотношения. Биографиям князей-язычников, которые явственно осмысляются как биографии наказания, противопоставляются биографии князей, принявших христианство - биографии спасения. Обнаруживается композиционное сопряжение и в биографиях князей после Владимира: взаимосвязаны судьбы и образы Святополка, Бориса и Глеба; строение биографии Ярослава во многом симметрично строению биографии Владимира и т.д.

Во многих случаях мы можем говорить о ярких индивидуальностях, о единстве образов или даже характеров правителей Руси: таковы Ольга и Владимир, суровый воин Святослав. Сложна, неоднозначна, например, судьба Изяслава, князя не очень популярного, дважды изгнанного из Киева, но все же оказавшегося способным на бескорыстный поступок, стоивший ему жизни, и за этот поступок летописец как бы полностью оправдывает князя, прощает ему все прош-

лые грехи и сближает его поведение с поведением святого - с этой высшей и безусловной для летописца-христианина ценностью. Близок к идеалу образ Владимира Мономаха в летописи, но это вовсе не лишает его индивидуальных человеческих черт: Мономах - не абстрактная схема идеала, а, скорее, самый идеал вырастает из обрисовки жизни и облика этого князя.

Живы и полнокровны образы многих простых людей, попавших на страницы летописи. Это - юноша-киевлянин, который, помахивая уздечкой и делая вид, что он разыскивает своего коня, пробрался через печенежский стан и сообщил о беде киевлян воеводе Претичу, это и сам Претич, обманувший печенежского князя близкой угрозой Святослава, это старец, сваривший "белгородский кисель" и заставивший печенегов поверить, что белгородцев сама земля кормит, это отрок-кожемяка, победивший огромного печенежца и некоторые другие.

Все это вместе взятое делает "Повесть временных лет" выдающимся памятником русской литературы, достойным началом ее тысячелетнего пути. Д.С.Лихачев писал: "Повесть временных лет" - это не только произведение русской исторической мысли, но и русской исторической поэзии. Поэзия и история находятся в ней в неразрывном единстве"⁷.

В изложении событий до начала XI века, а в отдельных случаях и до его середины, летописцы в значительной мере опирались на фольклорный материал. Письменных сведений о раннем периоде русской истории было очень мало, и летописцам поневоле приходилось обращаться к "устной истории", тем формам исторического эпоса, который мог быть привлечен для восстановления хода русской истории. В "Повести временных лет" сохранились многочисленные указания и ссылки на устные источники, которыми пользовались летописцы.

Для того, чтобы закрепиться, удержаться в народной памяти, событие и его лицо должны были включиться в такой сюжет, который был бы интересен, занимателен, эстетически окрашен. Фольклорный материал, привлекаемый летописцами, был материалом художественным, и в летопись вместе с материалом проникали и художественные свойства фольклора. Художественность большинства летописных эпизодов первой половины "Повести временных лет" /приблизительно до первой трети XI века/ в значительной мере фольклорного происхождения.

Но это не означает, что только фольклору летопись обязана своей художественностью. Там, где это было надо, летописцы могли создавать столь впечатляющие в художественном отношении сцены, какие были даже явно за пределами возможностей фольклора. Таковы, например, многие эпизоды знаменитой летописной повести об ослеплении Василька Тербовльского. На ней стоит остановиться подробнее, чтобы ближе познакомиться с писательским мастерством летописцев.

В 1097 году князья, уставшие от внутренних раздоров и теснимые половцами, собрались на съезде в Любече. Они сумели договориться, где кому княжить, договорились и о совместной обороне от половцев. Но не успели они еще разъехаться, как один из участников съезда, волынский князь Давыд Игоревич, стал оговаривать великому киевскому князю Святополку одного из волынских же князей, Василька из Тербовля, и Владимира Мономаха в том, что они якобы сговорились на него, на Давыда, и на самого Святополка. Святополк поначалу не верит Давыду, но постепенно его одолевают сомнения. Летописец, обычно ограничивающийся внешней стороной дела, поступками, действиями самими по себе, здесь улавливает и передает внутренние движения души. Услышав наущения Давыда, "Святополк... смятется умом, река: "Еда се право будеть, или лжа, не веде". Это замечательная строчка: "смятется умом" в плане литературном стоит очень много. Здесь, пожалуй, впервые внимание с конечного ре-

зультата переключается на процесс, уже не поступок в его объективной конечной значимости является характеристикой человека, а его путь к этому поступку, то есть то, что еще очень не скоро придет в литературу как ее характерный способ проникновения в действительность, но можно констатировать, что первый шаг к этому делается на страницах летописи. В новой литературе целый роман может строиться как описание и исследование пути человека к поступку, тогда как изображение самого поступка может занимать совершенно незначительный объем в общем повествовании. Разумеется, расстояние между летописной строчкой и таким романом огромное, но мы обязаны констатировать, что первый принципиальный шаг в этом направлении сделан уже здесь - в летописном описании событий конца XI века. Тем более, что это не одинокая и не случайная строчка. Известный психологизм, и, главное, интерес к нему со стороны древнерусского автора виден и в дальнейшем изображении того, как подготавливалось и осуществлялось ослепление Василька. Летописец, действительно, показывает здесь постепенный путь к злодейству, он прослеживает, как шаг за шагом склоняется к нему Святополк, как вовлекается князь в преступный замысел - читателю открывается психология этого пути. Надо только помнить, что перед нами раннесредневековый литературный текст, младенчество русской литературы, - тем поразительнее: уникальное мастерство автора этой повести.

От смятения Святополк переходит к мыслям о Боге, он словно хочет избавиться от тяжелых сомнений и переложить ответственность на Бога, уйти от нее самому. Тем более, что он уже внутренне склонился, принял предложение Давыда, но ему не хочется брать на себя бремя судии: "И сказал Святополк Давыду: "Если правду ты говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог тебе судья". Святополк здесь отстраняется от Давыда, но и не препятс-

твует ему. Сославшись на Бога, он как бы благославляет Давыда на задуманное, а сам отходит в сторону.

Но сомнения все возрастают, все больше его грызет червь подозрительности: "Святополк же пожалел о брате своем /убитом, по свидетельству Давыда, Васильком одиннадцать лет назад - А.Ш./, и задумался о себе, не в самом ли деле так будет". Как понятны эти сомнения Святополка: а если правду сказал Давыд? Ведь убил же Василек брата Ярополка - почему бы не покуситься ему и на меня? В таком случае уже нельзя оставаться в стороне и надеяться только на божий суд: дело касается собственной жизни или, по крайней мере, собственных интересов. Их надо отстаивать самому. И вот решение принято: "И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке".

Психологическая новелла о вовлечении в преступный замысел завершена. Здесь есть свой сюжет со своей завязкой, кульминацией и развязкой; функции, которые в эпическом сюжете выполняют персонажи, здесь перешли на сомнения, противоречивые чувства, их внутреннюю борьбу и победу одних над другими - в данном случае эгоистических и преступных над бого- и человеколюбивыми.

Святополку и Давыду удалось заманить к себе Василька. Двое злоумышленников и их пока еще ничего не подозревающая жертва оказываются на одной сцене. Автор внимательно следит за происходящим.

Поначалу идет обычная беседа. Святополк уговаривает Василька задержаться, погостить, Василек отказывается, ссылаясь на то, что уже и обоз свой отправил вперед. Но вот появляется в рассказе злобная ремарка: "Давыд же седяше акы нем". Кажется бы, средневековый автор способен заметить только то, что происходит, что как-то выявляет себя вовне. Давыд же молчит, то есть никак себя не проявляет, следовательно, и упоминать его незачем. Однако автор этой повести видит нечто значительное там, где ничего не происходит.

Молчание Давыда для него намного существеннее разговора Святополка и Василька, и он специально останавливает на этом внимание читателя. Для писателя нового времени это было бы естественно, но для раннесредневекового автора такой психологизм поразителен.

Между тем, бытовая беседа продолжается. Святополк, сказав, что ему нужно сделать распоряжение о завтраке, выходит. Василек остается один на один с Давыдом. "И заговорил Василько с Давыдом, и Давыд не отвечал и не слушал, ибо был объят ужасом и обман тайл в сердце". Давыд не способен вести обычный, ничего не значащий разговор со своей жертвой, ему становится невозможно сидеть рядом с Васильком, и под первым предлогом он покидает его.

Как только Давыд вышел, Василька тотчас заперли, затем оковали "в двой оковы" и приставили к нему сторожей на ночь. Злоумышленники не решились учинить расправу в самом Киеве, они перевезли Василька в Белгород, чтобы без лишних свидетелей осуществить задуманное.

Описание расправы над Васильком изобилует такими подробностями, какие редко встречаются в летописи. Василек видит "торчина, остряца нож" и, догадываясь уже, что его хотят ослепить, "взмолился к Богу, заливаясь слезами". Автор чужд религиозной риторики, он не помещает в свой рассказ молитвы и плача Василька, вместо этого он поименно называет тех, кто непосредственно осуществлял расправу: Сновид Изечивич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов. Они намеревались запеленать Василька в ковер с тем, чтобы сковать его движения /в этом виден немалый профессионализм палачей/, но для этого Василька надо было сперва свалить, положить на ковер. Однако князь и скованный оказывает им сопротивление: "он сопротивлялся им сильно, и не смогли они повалить его". Тогда на помощь пришли другие, и им, наконец, удалось закатать Василька в ковер. Чтобы полностью лишить его свободы движений, сняли с печи

доску, положили на грудь князю, а сами сели по краям. Но Василек был, видимо, очень сильным человеком, и они не смогли удержать его в неподвижности. Пришлось снять еще одну доску, и уже четверо человек сели на князя, так что грудь его затрещала под их тяжестью /"яко персем троскотати"/. "И подошел торчин, по имени Беренди, овчарь Святополков, с ножом в руках и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись, поранил ему лицо, и рана эта видна у Василька и сейчас. И затем /Беренди - А.Ш./ ударил его в глаз и вынул глаз, и потом ударил в другой глаз и вынул его". До сих пор нельзя читать эти строки без содрогания: так подробно, хирургически, изображается здесь эта жуткая операция ослепления.

Если исходить из понимания летописи как труда информационного, исторического, имеющего лишь деловое назначение, тогда все эти подробности, психологизм, сама развернутость изображения совершенно неуместны, тогда надо признать, что летописец плохо выполнил свою задачу, ибо для целей исторического делового повествования было бы достаточно сообщить, что в лето 1097-е Давид и Святополк ослепили Василька Ростиславича Теробовльского. Можно было бы добавить, что ослепили несправедливо, по злему наущению Давида, можно было бы обратиться к Священному писанию и с помощью цитат осудить злодеев - и этого было бы достаточно. Но в том-то и дело, что здесь мы ощущаем намерение обратиться не только к разуму читателей, но и к их чувствам, ко всей сущности человека. Для разума было бы достаточно вышеочерченной информации, но летописец здесь не столько стремится проинформировать о событии, не столько декларировать греховность покусительства одного князя на другого, сколько показать, изобразить здесь ужас совершаемого преступления. Одно дело - знать о преступлении, другое - видеть его во всех кровавых подробностях. Автору надо воззвать ко всему человеку, к его сердцу, к его чувствам, чтобы тем вернее отвратить

его от подобных дел. Но ставя такую задачу, автор не мог решить ее в традиционно-летописных литературных формах, и он осуществил прорыв к тому, что с полным правом может быть отнесено к области собственно художественного творчества.

Таковы контуры литературной природы "Повести временных лет". Летопись эта легла в основу всего последующего русского летописания; в полных или кратких редакциях она присутствует в большом количестве позднейших летописных сводов, которые создавались в разных городах и княжествах Руси. Но ее значение не исчерпывается ролью пролога этого только жанра в литературе Древней Руси - в известной мире "Повесть временных лет", как мощный родник, питала всю литературу русского средневековья, ее ручьи отчетливо различимы в литературе XVIII-XIX веков, не пересохла она и ныне.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Лихачев Д.С. "Повесть временных лет" /Историко-литературный очерк/. - В кн.: Повесть временных лет, часть вторая. Приложения. Статьи и комментарии Д.С.Лихачева. М.-Л., 1950. Серия "Литературные памятники", с. 6.

² Текст цитируется по изданию: Повесть временных лет, часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С.Лихачева. Перевод Д.С.Лихачева и Б.А.Романова. М.-Л., 1950. Серия "Литературные памятники". В зависимости от целей цитирования текст приводится и в оригинале, и в переводе. Страницы не указываются, поскольку почти всюду сообщается дата, под которой приведен текст.

³ См.: Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971, с. 32-52.

⁴ Еремин И.П. Повесть временных лет. Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946 /на обложке: 1947/. Перепечатано в кн.: И.П.Еремин. Литература Древней Руси /Этюды и характеристики/. М.-Л., 1966, с. 42-97.

⁵ Подробнее см.: Шайкин А.А. Эпические герои и персонажи "Повести временных лет" и способы их изображения. - Русская литература. Историко-литературный журнал. Л., 1986, № 3, с. 89-108.

⁶ См.: Шайкин А.А. Святополк, Борис и Глеб. - В кн.: Литература Древней Руси. Межвузовский сборник научных трудов. Ответ. ред. проф. Н.И.Прокофьев. М., 1986, с. 41-47.

⁷ Лихачев Д.С. "Повесть временных лет" /Историко-литературный очерк/, с. 29.

POWIEŚ MINIONYCH LAT

Streszczenie

Artykuł stanowi próbę przybliżenia czytelnikowi polskiemu najstarszej kroniki ruskiej - "Powieści minionych lat". Autor przedstawia właściwości pierwotnej formy narracji, zwracając uwagę na zapis wydarzeń według lat, nie przeszkadzający w osiągnięciu ideowo-artystycznej jedności zabytku na różnych jego poziomach; omawia problematykę utworu, odrzucając pogląd o chronologicznym opisywaniu faktów doprowadzających do powstania państwowości ruskiej i stawiając tezę o koncepcyjnym, ideowym podejściu do procesu historycznego; przypomina genezę, etapy kształtowania się kroniki oraz jej twórców; polemizuje z koncepcją I. Jeriomina o sprzeczności i fragmentaryczności w sposobie przedstawiania bohaterów, przeciwstawiając jej własną teorię o związkach kompozycyjnych biografii książęcych; wskazuje wreszcie wyróżniki literackości odróżniające "Powieść minionych lat" od tradycyjnego dzieła historycznego.